

Религиозная экстремистская деятельность как негативное проявление социальной активности: философский контекст

Т. В. Излученко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет.
Россия, г. Красноярск. ORCID: 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется философский контекст религиозного экстремизма как социокультурного и политического явления, в котором проявляется социальная активность людей, стремящихся к радикальным преобразованиям на основе религиозных принципов и с использованием насилия. Подчеркивается его сложное строение и экспликация: экстремистская деятельность и экстремистская идеология. Социально-философское осмысление с привлечением интегративного подхода и типологического анализа позволило выявить основные черты религиозного экстремизма и универсальные составляющие религиозных экстремистских идеологий. Религиозный экстремизм эксплуатирует стремление к социальной активности, инициативе и готовность принимать ответственность, вовлекая людей в реализацию политического проекта построения идеального справедливого общества/государства. Гарантом истинности убеждений и получения вознаграждения позиционируется священное. Социально активные люди, мотивированные ощущением социальной депривации, отсутствием способов самореализации, получения личной значимости и стремящиеся к изменениям, получают возможность совместного достижения целей, социальную идентичность и поддержку. Их социальная инициатива встраивается в групповую деятельность, жизнь – в священную историю, выполнение священной миссии, а субъективная реальность корректируется групповым мышлением. Социальная активность направляется на реализацию конкретных социально-политических проектов на основе фундаменталистского толкования религиозных норм и их радикального выполнения. Религиозная экстремистская идеология в общих чертах удовлетворяет потребностям каждого участника и обладает следующими составляющими. Первая, апелляция к священному, которое выступает одновременно актором и трансцендентной сущностью. Вторая, требование перераспределения ресурсов на основе принадлежности к религиозной группе. Третья, реконструкция раннего государства с использованием современных достижений науки и техники, духовное возрождение.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, социальная активность, группа, экстремистская деятельность, священное, будущее государство, экстремистская идеология.

Проблема религиозного экстремизма остается актуальной уже на протяжении последних нескольких десятилетий. В научном познании сложились различные позиции от правовой до социально-психологической. Е. Л. Забарчук, Е. П. Сергун [5; 12] рассматривают его как специфический вид социальных действий, основывающийся на неприятии иных религиозных позиций. К. Рамакришна, О. Н. Ефремова, М. Юргенсмейер [2; 23; 29] подчеркивают взаимосвязь с фундаментализмом, В. И. Красиков [10] – экстремальностью, А. В. Маркин – девиантностью [11], Г. Тичини, А. В. Данилов [1; 30] – насилием. А. Круглански, А. Агнати [17; 26] отмечают возникновение экстремистских идей работой когнитивной системы, вызывающей соответствующие искажения. При наличии большого объема представленных работ упускается стремление религиозных экстремистов к преобразованию социальной реальности, направленность предлагаемых ими социально-политических проектов, основывающихся на религиозных принципах в радикальной интерпретации.

Целью данной работы является исследовать проявления социальной активности в религиозном экстремизме. Определение понятий, выявление специфических черт религиозного экстремизма, его обусловленности насилием, роли священного и характеристика социальной активности и ответственности, а также анализ основных положений религиозных экстремистских идеологий будут способствовать достижению цели, а полученный результат – не только развитию социально-философских теорий, но оптимизации управленческих решений при противодействии экстремизму.

Постмодернистский подход обеспечивает рассмотрение религиозного экстремизма как социально-политического конструкта, включающего социальные действия, ритуальные практики, идеологию и групповую идентичность, которые основываются на религиозных принципах, идеях священного и богоизбранности. Исследование религиозной экстремистской

деятельности осуществляется в рамках социально-философского осмысления, позволяющего выявить основные черты с различных научных позиций и указать составляющую социальной активности участников. Типологический анализ способствует выявлению универсальных характеристик, свойственных различным религиозным экстремистским проявлениям и религиозным экстремистским идеологиям. Общенаучные методы представлены анализом и синтезом, индукцией и дедукцией, классификацией, абстрагированием, сравнением, формализацией и аналогией.

Определение религиозного экстремизма. В современном мире религия остается значительным компонентом частной и общественной жизни. Она влияет на выбор образа жизни, группы и формирование мировоззренческих убеждений. Возрождение религиозной идеологии, национализма и фундаментализма указывает на то, что религия не только не исчезла, но и продолжает определять и легитимировать процессы социальной реальности [27]. Религиозные экстремисты позиционируются представителями религиозных традиций, лицами, реализующими право на свободу совести. В связи с этим актуализируется проблема разграничения религиозной деятельности от экстремистской, апеллирующей религиозными идеями. Социальная практика религиозных объединений может выходить за рамки религиозных предписаний и носить либо конструктивный, либо деструктивный характер [4]. Однако именно государство производит оценку деятельности религиозных объединений и определяет их правовой статус, руководствуясь отношением власти и институализированной логикой [25]. В свою очередь, общество ориентируется на девиантный характер действий, противопоставлении принятым культурным ценностям.

Религиозный экстремизм выступает социокультурным феноменом, получает политико-правовую окраску и сводится к действиям, разжигающим ненависть и вражду в отношении лиц по признаку отношения к религии. Однако его содержание не ограничивается правовыми нормами, а обладает социально-философскими основаниями, отражающими специфику отношений между государством и общественными объединениями, религиозными организациями и верующими и подчеркивающими проблемы демаркации социально приемлемых от социально неприемлемых действий. В этот процесс конструирования вовлечены помимо государства общественность, религиозные организации, экспертное сообщество и сами участники. В социально-психологическом аспекте имеют значение формирование группового мышления, социальная сплоченность, сокращение гражданского пространства и стремление к получению личной значимости, групповой идентификации, сопровождающееся индивидуальной уязвимостью, социальной изоляцией [18].

Религиозный экстремизм допускает применение насильственных мер с целью оспаривания установленного порядка на политическом, социокультурном уровнях. Идеи насилия возникают на основе контекста – социальной и экономической депривации, чувства обездоленности. Осознание воспринимаемого неравенства и негодование стимулируют обвинение действующей политической системы в неблагополучной ситуации и приводят к соответствующей реакции, дегуманизации и агрессии [19]. Это обосновывается идеями осуществления борьбы с мировым злом, несправедливостью, построением идеального общества/государства на религиозных принципах. Происходит противопоставление общественным нормам на основе а) стремления расширить рамки, детали и строгость применения религиозного закона; б) социальной изоляции и в) отказа от существующей культуры [20]. Насилие применяется в случаях крайней необходимости как наиболее эффективное средство достижения цели, когда иные варианты либо недоступны, либо не дают нужного результата. Так, например, в тех государствах, в которых возможна деятельность религиозных политических партий, террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»¹ официально выражает свои требования и принимает участие в их продвижении.

Современные технологические преобразования, совершенствование нормативно-правовой базы и мер противодействия приводят а) к изменениям в организационных структурах экстремистских объединений; б) переходу от традиционных иерархических и централизованно управляемых организационных к более децентрализованным структурам [28]; в) формату одиночек, организованных или стихийных сообществ [6, с. 118]. Однако преимуще-

¹ Решение Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании террористическими организациями:...«Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и запрете их деятельности. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>.

ственной формой организации религиозного экстремизма остается совместная деятельность в рамках официально или неофициально оформленных отношений – объединений. Элементы сетевого взаимоотношения: одиночные участники, цепная сеть, узловая и многоканальная структура, отсутствие видимого лидера – присутствуют в религиозном экстремизме, их эпизодичность обеспечивает гибкость и мобильность объединениям как социальным системам.

Религиозная принадлежность, участие в коллективных ритуальных практиках, принятие положений идеологии обеспечивают а) структурное взаимодействие и социальную сплоченность; б) сохранение структуры при притоке и оттоке контингента; в) вовлечение участников в индивидуальные и коллективные проекты вне зависимости от их местонахождения и территории реализации. Именно религиозная составляющая обеспечивает ментальное единство и социальную идентичность, выстраивает систему соподчиненных элементов, способствует групповому мышлению, нарушающему мировоззренческий баланс, и пренебрежению альтернативными убеждениями/методами. При этом могут использоваться культовые действия традиционных религий, на основе которых создаются собственные. В них прослеживается фанатичное поклонение лидеру, формирование чувства страха и агрессивности, позиции «свои-враги» и ритуализация жизни. Культовое жертвоприношение наделяет смыслом смерть [7, с. 21].

Роль священного. Священное противопоставляется профанному, придает структуру и организацию социальному бытию [22]. Определяет ориентиры и показывает наличие «абсолютной реальности, которая противопоставляется нереальности, всей огромной протяженности окружающего мира» [16, с. 22]. На священное возлагается функция социального контроля. Группа получает социальное сплочение, добивается подчинения, регулирования социальной активности, наделяется моральными смыслами предъявляемых норм и требований, а также получает возможность наказывать и поощрять от имени священного. Доступ к священному открывается после символической смерти, которая выражается в соответствующих обрядах (посвящения, инициации) и сопровождается отказом от прежнего образа жизни.

В религиозном экстремизме, несмотря на акцент на религиозность и апелляцию к священному как инициатору социально-политических преобразований, гаранту истинности совершаемых действий и ответственному за негативные последствия, политическая составляющая превалирует над религиозной. Религиозными экстремистскими идеологиями гиперболизируются проблемы социальной реальности, выдвигаются причины, связанные с духовным упадком и отказом от истинной веры. Пропаганда необходимости немедленных изменений подкрепляется эсхатологическими мотивами. Понимание религиозных текстов как непосредственного волеизъявления священного подразумевает буквальное толкование, отказ от аллегорического подхода. Посредством неконтекстного анализа происходит легитимизация экстремистских убеждений, что способствует к радикализации поведения и мышления.

Священное имеет ключевое значение для легитимации структуры, применения насилия, поддержание социальной сплоченности и принятие социальной ответственности в религиозном экстремизме. С одной стороны, оно выступает актором, полноценным непосредственным участником коммуникации, материализованным в предметах и персонифицированным в личностях. Ему присущи милосердие, эмпатия, сочувствие и принятие ответственности за совершаемые участниками поступки. В нем воплощены социальные ценности, которые по причине социальной значимости объявляются неприкосновенными. С другой стороны, священное является нуминозным, присутствующим в каждом сознании и вызывающим чувство благоговейного страха, воля которого недоступна для понимания. Справедливость и неотвратимость жестокого наказания за проступки. Участники сами становятся жертвами, объектами нечистоты, их наказание – жертвоприношением, избавляющим группу от деструктивных желаний и агрессии [3].

Социальная активность и религиозный экстремизм. Социальная активность является закономерным эффектом социализации, а ее носителем является не только отдельный участник, но и группа. Она включает участие в общественной жизни, инициативно-творческое отношение к окружающему миру и самому себе как субъекту социального бытия, выражается в общественно-организационной, самоуправленческой, политической, экономической, гражданской, альтруистической (волонтерской), социально-коммуникативной и интернет-сфере, досуговой, образовательно-развивающей [15, с. 382]. Составляющими являются а) сознательность осуществляемых действий, получающих статус общественно-значимых поступков; б) использование чужого опыта для расширения и усиления интенсивности; в) привлечение

возможностей других; г) мобильность и д) разнообразие способов действий [8]. Проявление социальной активности дает человеку возможность для психологического здоровья, получения социальной поддержки и повышения уровня счастья [24].

Социальная активность взаимосвязана с социальной ответственностью – осознанием долга перед социумом, воплощением определенных желаний, транслируемых группой, и включает в себя мотивационные, аксиологические, когнитивные, творческие и аналитические компоненты. Социальная ответственность проявляет себя в деятельности во всей полноте и многогранности, демонстрирует позитивный, творческий характер и «взаимосвязь между субъектами, показывает их осознанное отношение к вызовам объективной действительности и выражается в свободном выборе приемлемого варианта надлежащего вида деятельности» [9, с. 93]. Наличие социального знания, готовности к саморазвитию и образованию, ценностные ориентации, мотивация достижения, рефлексия, эмпатия, самооценка, творческий потенциал указывают на готовность к социальной активности [14, с. 147]. При наличии религиозности священное выступает сущностью, перед которой участники несут социальную ответственность. Оно определяет направления социальной инициативы, визуализирует конечный результат, наделяет правом проявления социальной активности и устанавливает систему контроля за исполнением.

Социальная активность взаимосвязана с социальной реактивностью. Активность ориентирована на преобразующий и творческий характер деятельности в соответствии с поставленными целями и задачами, а реактивность содержит приспособительный момент и выполняет адаптивную функцию. Они обладают нормативным, нормативно-личностным, личностно-продуктивным и продуктивно-творческим уровнями. Социальная активность понимается как действия и способы поведения, обусловленные принятыми решениями по преобразованию социума, решению просоциальных задач. Единицами выступают а) инициативность – самостоятельное принятие человеком на себя ответственности за решение задач – и б) исполнители, выполняющие действия для достижения социальных целей [13].

Современное социально-политическое и экономическое положение не всегда позволяет удовлетворить потребности в получении личной значимости, самореализации и повышении самооценки при выполнении общественно значимого дела, а также в изменении социально-политического положения, преобразования социальной реальности. В своих попытках люди, не находящие легитимного способа, могут обратиться к религиозному экстремизму. Особенно это относится к молодым людям, стремящимся изменить окружающий мир, готовым взять ответственность и выступить исполнителями, то есть активно проявляющим социальную активность. Религиозные экстремистские объединения предлагают им желаемое и получают от них необходимое для достижения своих политических амбиций. Они позиционируют участникам необходимость совершать определенные действия общественно-значимыми целями, приносимой пользой не только единоверцам, но и всему миру. Участники ощущают личную значимость, наделяясь обязанностями в рамках выполнения священной миссии, совместной работы по борьбе добра со злом. Социальная активность приобретает религиозную окраску, священное становится фактором целеполагающим в социальной деятельности.

В деятельности религиозных экстремистских объединений отмечается взаимодополняемость, с одной стороны, проявлений личной инициативы, стремления к социальным преобразованиям, а с другой, – организованной деятельности по достижению политических целей, способствующей дестабилизации сложившегося положения, социального единства и возникновению новых социокультурных явлений. Посредством группового мышления, ритуальных практик человек приобщается к когнитивным установкам и принятым паттернам поведения группы, после происходит отождествление своих социальных стремлений с политическими целями организации. Активные социальные субъекты получают возможность для проявления своей социальной активности, в результате которой им предоставляются возможности получения личной значимости, саморазвития и обеспечивается социальная поддержка. Они проявляют свою жизненную позицию, реализуют себя как личности и стремятся внести вклад в социальное благополучие, которое представляется возможным только на конкретных религиозных принципах. В свою очередь экстремистские организации получают активных и преданных исполнителей, ресурсы и возможности для расширения своей деятельности.

Религиозная экстремистская деятельность как проявление социальной активности представляется инициативным воздействием социальных субъектов на окружающую социальную среду и действиями, направленными на изменение и преобразование социальных

объектов, в результате чего происходит радикальное изменение самих участников и социальной ситуации. Религиозные экстремисты, принимая на себя ответственность по улучшению и преобразованию объективной социальной действительности на основе религиозной экстремистской идеологии, демонстрируют высокий уровень организации личности. Однако провозглашенная задача, реализация которой способна вызвать насилие и радикальные общественные и государственные преобразования, требует сильной психологической поддержки и разделение ответственности за последствия, чем в религиозном экстремизме и выступает священное.

Проекты религиозного экстремизма по преобразованию социальной реальности. Изменения социально-политического положения, предлагаемые различными религиозными экстремистскими объединениями и обоснованные религиозными экстремистскими идеологиями, обладают рядом особенностей.

Первое, апелляция к священному, утверждение наличия сверхъестественной сущности, представляемого в виде бога, богов, всеобщего закона, которое несет истинное знание и законы процветания. Убежденность в своей исключительности по вопросам религии и политики подкрепляется священным, его направлением конкретного человека в данную деятельность, определенную группу. Каждый участник убежден в экзистенциальном подходе священного к выбору исполнителей его воли, то есть в своей богоизбранности на пути выполнения священной миссии и получения вознаграждения. Согласно идеологии «Нурджулар»² Махди явился в виде собрания сочинений «Рисале-и Нур», осуществляет отбор последователей и коммуницирует с ними посредством текстов.

Второе, радикальное преобразование процессов во всех социальных сферах, сопровождающееся перераспределением ресурсов, символического капитала и власти в пользу участников. Действующий порядок провозглашается результатом деятельности зла, сосредоточением негативных личностных и групповых качеств. Религиозная экстремистская идеология разрабатывает концепцию социально-политического устройства с учетом личностных пожеланий участников, использует абстракции и обобщения, минимизирует конкретные повседневного, экономического и иного рода проблемы, акцентируя внимание на наиболее обобщенных идеях. Каждый участник позиционируется сильной самодостаточной личностью, которой будут предоставлены все возможные ресурсы для удовлетворения потребностей, самореализации, образования и получения личной значимости. Такая позиция позволяет вовлекать и мотивировать большее количество людей к активному участию в религиозной экстремистской деятельности.

Осуществляется гиперболизация деструктивных явлений социальной реальности, которые преподносятся как результат нравственного разложения, отказа от истинной религии. Православная религиозная группа «В честь иконы Божией Матери «Державная»» пропагандирует отказ от паспортов, медицинских полисов и иных документов как меток Антихриста³. Позитивные процессы представляются проблесками истины, надежды на спасение, установлением миропорядка, проявлением священного. Враги-чужие мистифицируются и демонизируются. Так, сторонники движения инглизма⁴ утверждают, что евреи есть результат смешения двуполых существ с людьми, которые решили захватить власть посредством создания христианства.

Третье, восстановление в лучшем виде ранее существовавшего справедливого и идеального общества/государства, гарантом чего выступает священное. Важным моментом является не допущение прежних ошибок, искоренение мирового зла, персонифицированного в

² Решение Верховного суда Российской Федерации от 10.04.2008 № ГКПИ08 о признании международного религиозного объединения «Нурджулар» экстремистским и запрете его деятельности на территории России. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034>.

³ Решение Тульского областного суда от 25.07.2016 Православная религиозная группа «В честь иконы Божией Матери «Державная»» признана экстремистской организацией. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/7822>.

⁴ Многочисленные организации, основывающиеся на данных идеях, запрещены на территории России. Решение Омского областного суда от 30.04.2004 года о ликвидации «Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов» признана экстремистской организацией. URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-sudarf-otnakpi17-238>.

представителях иных верований и мировоззренческих убеждений (атеистов). Подчеркивается ценность солидарности и уважения, целью указывается справедливость [21]. В результате «мировой войны» должно быть создано идеальное общество, государственное устройство, в котором гарантом справедливости является священное. Целью деятельности провозглашается возврат к вере предков, построение нового общества и государства на религиозных принципах, так как они даны священным без какого-либо скрытого подтекста. Участники «Каракольской инициативной группы»⁵ проводят акции против буддизма и христианства, утверждая, что эти религии насильно были навязаны, а возрождение веры предков приведет к процветанию алтайского народа.

Подводя итог, отметим, что в рамках проявления социальной инициативы религиозным экстремизмом предлагаются социально-политические проекты преобразования социальной реальности на религиозных основах. Их реализация требует радикального изменения существующего политического положения, перераспределения как экономического, так и символического капиталов, и сопровождается насильственными мерами в отношении оппонентов. Религиозные экстремисты реализуют свою социальную инициативу, выступают социальными исполнителями и разделяют социальную ответственность со священным в деятельности, способствующей нарушению социального единства и политической стабильности. Фундаменталистские тенденции обеспечивают идеологическую направленность, стремление возвращения к «золотому веку», радикализм – крайность в поведении и мышлении религиозных экстремистов.

Список литературы

1. Данилов А. В. Религия, экстремизм, насилие // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 67–73.
2. Ефремова О. Н., Ковалева Г. П. Религиозный фанатизм как предпосылка экстремизма // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. № 2. Т. 1. С. 37–40.
3. Жирар Р. Насилие и священное. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
4. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4. С. 69–70.
5. Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 3–10.
6. Заврина Е. Е., Чернышов Г. Н., Макурин П. С. Экстремизм – актуальность проблемы // Инновационная экономика и право. 2017. № 3. С. 115–119.
7. Исаев В. Д., Гавлицкий Е. М., Терентьева А. Н. Религиозный экстремизм и терроризм: социально-философский и психологический аспекты // Академик. 2019. № 1. С. 17–24.
8. Капустина Е. Г. Формы социальной активности современной российской молодежи: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 36–41.
9. Каюмов А. Т., Мишурова О. И. Ответственность как социальное явление // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21. № 5. С. 89–96. DOI: 10.37482/2687-1505-V134.
10. Красиков В. И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М. : Водолей, 2006. 496 с.
11. Маркин А. В. О некоторых аспектах формирования экстремистского сознания как основы девиантного поведения в современном обществе // Вестник Краснодарского юридического университета МВД России. 2014. № 3. С. 94–97.
12. Сергун Е. П. Соотношение понятий «религиозный фундаментализм» и «религиозный экстремизм» // Правовая культура. 2012. № 2. С. 99–103.
13. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176.
14. Суртаева Н. Н., Гриднева М. А. Социальная активность как качество социально ответственной молодежи // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 2-1. С. 146–148.
15. Шамионов Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. № 4. Т. 15. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.

⁵ Решение Онгудайского районного суда Республики Алтай от 11.12.2018 о признании деятельности экстремистского религиозного объединения «Каракольская инициативная группа» (иные наименования «Ак-Дян», «ЯНГЫ АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ», «Ак Янг», «Алтай Янг Ак Янг», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая вера»). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822>.

16. Элюде М. Священное и мирское. М. : МГУ, 1994. 144 с.
17. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. Pp. 43–53. DOI: 10.1016/j.npbr.2016.12.002.
18. Amit S., Barua L., Kafy A. Countering violent extremism using social media and preventing implementable strategies for Bangladesh // *Heliyon*. 2021. Vol. 7. Is. 5. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07121.
19. Borum R. Understanding the terrorist mind-set // *FBI Law Enforce. Bull.* 2003. Vol. 72. Pp. 7–10.
20. Chetty N., Alathur S. Hate speech Review in the context of online social networks // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 40. Pp. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003.
21. Dey P., Leher O. Registering Ideology in the Creation of Social Entrepreneurs: Intermediary Organizations «Ideal subject» and Promise of Enjoyment // *Journal of Business Ethics*. 2017. Vol. 142. Is. 4. Pp. 753–767. DOI: 10.1007/s10551-016-3112-z.
22. Gagliardi C. *Choreographies of Shared Sacred Sites: Religion, Politics and Conflict Resolution*. N.-Y. : Columbia University Press, 2014. 440 p. DOI: 10.1017/S153759271500184X.
23. Juergensmeyer M. *Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence*. Berkeley : University of California Press, 2003. 319 p. URL: <https://archive.org/details/terrorinmindofgo0000juer> (дата обращения: 08.02.2022).
24. Kim Jun., Kim Jae., Kim Yon., Han A. Nguyen M. The contribution of physical and social activity participation to social support and happiness among people with physical disabilities // *Disability and Health Journal*. 2021. Vol. 14. Is. 1. 100974. URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S1936657420301060> (дата обращения: 10.02.2022).
25. Koehrsen J., Huber F. A field perspective on sustainability transitions: The case of religious organizations // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2021. Vol. 40. Pp. 408–420. DOI: 10.1016/j.eist.2021.09.005.
26. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // *Cognition*. 2019. Vol. 188. Pp. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008.
27. Mazumdar C., Mazumdar S. Religion and place attachment: A study of sacred places // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. Vol. 24. Is. 3. Pp. 385–397. DOI: 10.1016/j.jenvp.2004.08.005.
28. Postuszna E. *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*. Butterworth-Heinemann. 2015. 278 p.
29. Ramakrishna K. The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao // *Journal of Asian Security and international Affairs*. 2018. Vol. 5. Is. 2. Pp. 111–128. DOI: 10.1177/2347797018783117.
30. Tischinin G., Lamote Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis // *L'Evolution Psychiatrique*. 2019. Vol. 84. Is. 3. Pp. 59–69. URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2070/10.1016/j.evopsy.2019.05.003> (дата обращения: 10.02.2022).

Religious extremist activity as a negative manifestation of Social activity: philosophical context

T. V. Izluchenko

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko@mail.ru

Abstract. The article examines the philosophical context of religious extremism as a socio-cultural and political phenomenon, which manifests the social activity of people striving for radical transformations based on religious principles and using violence. Its complex structure and explication are emphasized: extremist activity and extremist ideology. Socio-philosophical understanding with the involvement of an integrative approach and typological analysis allowed us to identify the main features of religious extremism and the universal components of religious extremist ideologies. Religious extremism exploits the desire for social activity, initiative and willingness to accept responsibility, involving people in the implementation of the political project of building an ideal just society/state. The sacred is positioned as the guarantor of the truth of beliefs and the receipt of remuneration. Socially active people motivated by a sense of social deprivation, lack of ways to self-actualize, gain personal significance and striving for change, get the opportunity to achieve goals together, social identity and support. Their social initiative is embedded in group activity, life is embedded in sacred history, the fulfillment of a sacred mission, and subjective reality is corrected by group thinking. Social activity is directed to the implementation of specific socio-political projects based on the fundamentalist interpretation of religious norms and their radical implementation. Religious extremist ideology in general meets the needs of each participant and has the following components. The first is an appeal to the sacred, which is both an actor and a transcendent entity. The second is the requirement to redistribute resources based on belonging to a religious group.

The third is the reconstruction of the early state using modern achievements of science and technology, spiritual revival.

Keywords: religious extremism, social activity, group, extremist activity, sacred, future state, extremist ideology.

References

1. Danilov A. V. *Religiya, ekstremizm, nasilie* [Religion, extremism, violence] // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya* – Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2018. No. 3. Pp. 67–73.
2. Efremova O. N., Kovaleva G. P. *Religioznyj fanatizm kak predposylka ekstremizma* [Religious fanaticism as a prerequisite for extremism] // *Vestnik obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk* – Herald of Social and Humanitarian Sciences. 2020. No. 2. Vol. 1. Pp. 37–40.
3. Girard R. *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the sacred]. M. New Literary Review. 2000. 400 p.
4. Zhukov A. V. *Religioznaya bezopasnost' kak predmet nauchnogo diskursa v postsovetskoj Rossii* [Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2017. No. 12-4. Pp. 69–70.
5. Zabarchuk E. L. *Religioznyj ekstremizm kak odna iz ugroz bezopasnosti rossijskoj gosudarstvennosti* [Religious extremism as one of the threats to the security of Russian statehood] // *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2008. No. 6. Pp. 3–10.
6. Zavrina E. E., Chernyshov G. N., Makurin P. S. *Ekstremizm – aktual'nost' problem* [Extremism – the relevance of the problem] // *Innovacionnaya ekonomika i pravo* – Innovative economics and law. 2017. No. 3. Pp. 115–119.
7. Isaev V. D., Gavlickij E. M., Terent'eva A. N. *Religioznyj ekstremizm i terrorizm: social'no-filosofskij i psihologicheskij aspekt* [Religious extremism and terrorism: socio-philosophical and psychological aspects] // *Akademik* – Academician. 2019. No. 1. Pp. 17–24.
8. Kapustina E. G. *Formy social'noj aktivnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi: sociokommunikativnyj analiz* [Forms of social activity of modern Russian youth: sociocommunicative analysis] // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* – Humanities, Socio-economic and Social sciences. 2014. No. 9. Pp. 36–41.
9. Kayumov A. T., Mishurova O. I. *Otvetstvennost' kak social'noe yavlenie* [Responsibility as a social phenomenon] // *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Seriya: Gumanit. i soc. nauki* – Herald of North (Arctic) Federal University. Series: Humanit. and social sciences. 2021. Vol. 21. No. 5. Pp. 89–96. DOI: 10.37482/2687-1505-V134.
10. Krasikov V. I. *V ekstrime. Mezhdisciplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov radikal'nogo soznaniya* [In extreme. Interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of radical consciousness]. M. Vodoley (Aquarius). 2006. 496 p.
11. Markin A. V. *O nekotorykh aspektah formirovaniya ekstremistskogo soznaniya kak osnovy deviantnogo povedeniya v sovremennom obshchestve* [On some aspects of the formation of extremist consciousness as the basis of deviant behavior in modern society] // *Vestnik Krasnodarskogo yuridicheskogo universiteta MVD Ros-sii* – Herald of Krasnodar Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3. Pp. 94–97.
12. Sergun E. P. *Sootnoshenie ponyatij "religioznyj fundamentalizm" i "religioznyj ekstremizm"* [Correlation of the concepts of "religious fundamentalism" and "religious extremism"] // *Pravovayakul'tura* – Legal culture. 2012. No. 2. Pp. 99–103.
13. Sitarov V. A., Maralov V. G. *Social'naya aktivnost' lichnosti (urovni, kriterii, tipy i puti ee razvitiya)* [Social activity of personality (levels, criteria, types and ways of its development)] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Ability. 2015. No. 4. Pp. 164–176.
14. Surtaeva N. N., Gridneva M. A. *Social'naya aktivnost' kak kachestvo social'no otvetstvennoj molodezhi* [Social activity as a quality of socially responsible youth] // *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* – Actual scientific research in the modern world. 2021. No. 2–1. Pp. 146–148.
15. Shamionov R. M. *Social'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy* [Social activity of an individual and a group: definition, structure and mechanisms] // *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: Psychology and Pedagogy. 2018. No. 4. Vol. 15. Pp. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
16. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. M. Publishing House of Moscow State University. 1994. 144 p.
17. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. *The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs* // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. Pp. 43–53. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.npbr.2016.12.002>.
18. Amit S., Barua L., Kafy A. *Countering violent extremism using social media and preventing implementable strategies for Bangladesh* // *Heliyon*. 2021. Vol. 7. Is. 5. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07121.

19. Borum R. Understanding the terrorist mind-set // FBI Law Enforce. Bull. 2003. Vol. 72. Pp. 7–10.
20. Chetty N., Alathur S. Hate speech Review in the context of online social networks // Aggression and Violent Behavior. 2018. Vol. 40. Pp. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003.
21. Dey P., Leher O. Registering Ideology in the Creation of Social Entrepreneurs: Intermediary Organizations "Ideal subject" and Promise of Enjoyment // Journal of Business Ethics. 2017. Vol. 142. Is. 4. Pp. 753–767. DOI: 10.1007/s10551-016-3112-z.
22. Gagliardi C. Choreographies of Shared Sacred Sites: Religion, Politics and Conflict Resolution. N.-Y. : Columbia University Press, 2014. 440 p. DOI: 10.1017/S153759271500184X.
23. Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence. Berkeley : University of California Press, 2003. 319 p. Available at: <https://archive.org/details/terrorinmindofgo0000juer> (date accessed: 08.02.2022).
24. Kim Jun., Kim Jae., Kim Yon., Han A. Nguyen M. The contribution of physical and social activity participation to social support and happiness among people with physical disabilities // Disability and Health Journal. 2021. Vol. 14. Is. 1. 100974. Available at: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S1936657420301060> (date accessed 10.02.2022).
25. Koehrsen J., Huber F. A field perspective on sustainability transitions: The case of religious organizations // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2021. Vol. 40. Pp. 408–420. DOI: 10.1016/j.eist.2021.09.005.
26. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // Cognition. 2019. Vol. 188. Pp. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008.
27. Mazumdar C., Mazumdar S. Religion and place attachment: A study of sacred places // Journal of Environmental Psychology. 2004. Vol. 24. Is. 3. Pp. 385–397. DOI: 10.1016/j.jenvp.2004.08.005.
28. Postusznia E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Butterworth-Heinemann. 2015. 278 p.
29. Ramakrishna K. The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao // Journal of Asian Security and international Affairs. 2018. Vol. 5. Is. 2. Pp. 111–128. DOI: 10.1177/2347797018783117.
30. Tischinin G., Lamote Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis // L'Evolution Psychiatrique. 2019. Vol. 84. Is. 3. Pp. 59–69. Available at: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2070/10.1016/j.evopsy.2019.05.003> (date accessed: 10.02.2022).